

ПИЛИГРИМ

что заставляет
людей менять
комфорт городов
на единение
с природой?

ИГОРЬ ПОЛЬСКИЙ

Игорь Валерьевич Польский
Пилигрим: дневники
начала конца света
Серия «Travel Story. Книги для отдыха»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63589487

Пилигрим: дневники начала конца света / Игорь Польский: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 78-5-04-116659-5

Аннотация

Это история удивительного путешествия по острову Готланд в Балтийском море, о необыкновенных людях, которые встревожены проблемами современности и стремятся создать более гармоничный путь развития общества.

«Пилигрим» расскажет о судьбах таких разных и удивительных людей, поделится размышлениями о жизни и развитии, покажет живописные красоты окружающей природы и тонко подметит столь романтические детали быта пилигримов и автостопщиков с разных концов света.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Часть первая	5
Как я не стал писателем	5
Пилигрим	13
Ансбака I	28
Война	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игорь Польский
Пилигрим: дневники
начала конца света. Что
заставляет людей менять
комфорт городов на
единение с природой?

Посвящается Мие

Что заставляет людей менять комфорт городов на единение с природой?

© Польский И.В., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Лето

Не хотелось бы все это преувеличивать, но мне, черт возьми, нравится этот девятилетний мальчишка, кем бы он ни был. Без него я бы не выжил и не писал бы сейчас предисловие к этой книге.

Рэй Брэдбери.

Как забраться на древо жизни, кидаться камнями в себя самого и спуститься на землю, не сломав себе шею и не сломив дух

Как я не стал писателем

Читая крохотную книжечку Брэдбери о том, как большой писатель на самом деле обязан всем маленькому мальчику, я вспомнил о собственном детстве и о печатных машинках. Брэдбери помнил, как сосал мамину грудь, у меня же не осталось воспоминаний из раннего детства. Но печатные машинки... да, печатные машинки я хорошо помню. Их было две. Одна была у дедушки Леши и бабушки Вали, электрическая, у которой клавиши нажимались так приятно, что сам процесс оказывался важнее результата. Собственно, только процесс я и запомнил: я плакал, если мне не разрешали по-

сидеть за этой машинкой, но ума не приложу, о чем рассказывала миру выходящая из машинки бумага.

Другая машинка как сокровище хранилась у бабушки Маши и была совсем иного рода: старая, механическая. Для того чтобы напечатать слово, нужно было с большим усердием стучать по клавишам маленькими пальцами. Если удар получался недостаточно сильным, буква оказывалась бледной или не оставляла следа вовсе. Может быть, именно из-за того, что эта машинка поддавалась мне с таким трудом, я куда лучше помню, что именно я на ней печатал (пальцы ведь часто помнят лучше, чем глаза, язык и уши). А печатал я вот что: брал старый дедушкин «Атлас офицера» со звездой и открывал первую страницу. Смотрел на условные обозначения и отпечатывал на бумаге «Смешанные леса». Затем пересчитывал значки смешанного леса на первой карте атласа и вбивал, например, «34», после чего следовал следующий значок из условных обозначений, следующее число, а когда все значки из условных обозначений были пересчитаны и инвентаризованы, можно было перелистнуть страницу и начать делать то же самое с новой картой – это была награда. Я никогда не начинал работать с середины атласа, а упорно шел страница за страницей (эта ужасная склонность к последовательности сохранилась во мне до сих пор)... я не помню точно, но, думаю, не сильно совру, если скажу, что я произвел «учет» не более пяти карт, в то время как в атласе их было несколько сотен. Бесконечность этого труда меня не

пугала (кажется, и это сказалось в дальнейшем: я легко начинал большие романы, но ни одного еще не дописывал до конца). Такой «учет» и работа за печатной машинкой были столь увлекательны, что иногда я готов был забыть и о биологических потребностях, включая походы в туалет, что пару раз привело к досадным казусам в раннем детстве (печатать я стал гораздо раньше, чем пошел в школу). Теперь вы видите, что с раннего детства я любил печатать, но то, ЧТО я печатал, свидетельствует скорее о том, что мне стоило стать бухгалтером или каким-то учетчиком, а не писателем (увы, в 13 лет, когда меня впервые обуяла писательская горячка, я не задумывался об этом, а ведь мог бы уже тогда понять, что писателем мне стать не судьба). Когда я проводил время со старой печатной машинкой у бабушки Маши, я считал себя пятилетним «вундеркиндом» и думал, выстукивая очередное условное обозначение из дедушкиного атласа (настолько тяжелого и большого, что я до сих пор поднимаю его с трудом), что стану ученым, «профессором»...

В сущности, Брэдбери прав. Почти все свои удачи и неудачи мы можем объяснить, заглянув в детство. Нельзя ли разглядеть причины моих неудач на писательском поприще уже в том пятилетнем возрасте и печатных машинках? Что такое печатная машинка? Можно сказать, это что-то устаревшее. Настолько же устаревшее, как ремесло писателя. Я не хочу сказать, что современной литературы не существует, но, со-

гласитесь, с появлением интернета, кинематографа и пост-структурализма позиция автора (такого, который когда-то мог написать «Войну и мир» и прославиться в первую очередь содержанием своих книг, а не тем, что по ним сняли «Игру престолов») несколько пошатнулась. Конечно же, появились новые авторы и совсем другие позиции. Например, блогер. Блогеры – герои нашего времени. Но моя проблема в том, что я так и остался со старой печатной машинкой (пусть ее и заменили компьютер и программа «блокнот», которые тоже успели устареть). Перебирая пыльные дедушкины книги, я продолжал печатать, как будто бы ничего не произошло. У меня до последнего не было аккаунта в «Фейсбуке», и я не зарегистрирован в «Инстаграме». Меня никогда не привлекала идея вести «Живой журнал» или писать для интернета. Литература для меня нечто, к чему можно прикоснуться, поднявшись на второй этаж читального зала и вынув с полки неизвестную или же, наоборот, слишком известную, ставшую опасно понятной книгу...

Но есть и еще кое-что. Я уже говорил, что с 13 лет меня иногда посещали приступы писательской лихорадки. Пару раз я даже начинал писать романы, но мне ни разу не удалось не то чтобы закончить хотя бы один из них, но даже просто продолжить писать. Впрочем, также я не продвинулся далеко и в инвентаризации дедушкиного офицерского атласа... Фактически эти «романы» состояли исключительно из начала, но, начав, я никогда не мог выразить четкую идею

и развить сюжет, и мои замыслы были похожи на сотни дедушкиных карт из середины атласа, о которых я знал только, что они есть, что они яркие, большие и интересные, но не более того. Одним словом, романы, так же как и карты, мне не дались... Зато с короткими формами, с рассказами, дело пошло гораздо лучше. Я написал первый и единственный сборник рассказов, будучи подростком, и назвал его «Сказки для детей старшего школьного возраста». Рассказы эти до сих пор нравятся мне, но сборник так и не увидел свет, не считая пары чувствительных комментариев на устаревших сайтах с названиями вроде rgoza.ru. Надо ли говорить, что в то время меня не особо заботила судьба моих рассказов – важно было писать. Если чей-то отзыв и имел для меня значение, то это был отзыв девушки, к подъезду которой я приходил солнечным утром со стаканчиком мороженого после бессонной ночи, проведенной с кофе перед компьютером. С гордым видом я вручал девушке распечатку нового рассказа. Эта проза была как поэзия, и этот период был единственным в моей жизни, когда я мог писать о любви...

Но вскоре, почувствовав то ли «подставу», то ли опасность любви для творчества, или же что-то внезапно стало для меня более важным, как бы там ни было, я оставил рассказы о любви, и поэзию, и девушку, и всю мою подростковую жизнь (которую, кстати говоря, я так любил и с которой прощался так упоительно). Я вознамерился, кажется, кем-то стать. Кем-то совсем другим. А пока бродил босиком по

ночным улицам, днем играл и дурачился, втайне планируя побег. С собой я взял одну книгу, сыгравшую немаловажную роль в истории того, как я не стал писателем. Это была «Планта людей» Антуана де Сент-Экзюпери. Не зная о нем почти ничего, во время одной из своих бессмысленных прогулок я забрел в книжный магазин, и эта книга мне подмигнула. Я сразу же купил ее и отложил в сторону, не открывая. Почему-то я знал или чувствовал, что в этой книге мне встретится что-то новое и важное. Я понимал, что именно ее я возьму с собой в новую жизнь, когда решусь на побег. Так и случилось. «Планта людей» сменилась «Цитаделью», за Экзюпери последовал Ницше, любовь сменилась философией.

Вскоре я написал свою вторую книгу – «Дневники ускоренного города», посвященную наблюдениям за большим городом. Мой план стать писателем был до крайности прост – нужно было лишь написать хорошую книгу. Тогда я доверял Экзюпери безгранично, а тот писал, что по-настоящему нужная книга сама находит себе дорогу, даже если выйдет в паре десятков копий. Решив перестраховаться, я издал 300 экземпляров по методу «самиздат» и распространил их в течение пары лет. Я получил множество отзывов. Одно маленькое литературное агентство даже решилось издать мою книгу. Но не издало. Я ждал, что стану писателем, но этого не случилось. Делать же что-то специально ради этого я считал излишним, ведь «нужная книга сама найдет себе дорогу». Раз моя книга не нашла этой дороги (по крайней мере,

достаточно широкой, чтобы удовлетворить мое самолюбие), значит, она не нужна. Да и кто теперь читает книги? Их и так слишком много написано, и многие писали лучше меня, думал я и приходил к выводу, что книги не могут ничего изменить, что нужно не писать, а действовать.

Последующие годы я действовал ради и с целью изменить общество, а затем стал описывать эту самую бурную деятельность. По ходу родилась новая книга «Дневники альтернативной культуры», которая описывала культуру настолько противоположную существующей, что публикация такой книги даже в интернете выглядела на тот момент опасной затеей. На этот раз вместо 300 экземпляров я ограничился пятнадцатью и раздал их героям моей книги, тем, про кого она написана. И все. Если настоящий писатель постепенно бы увеличивал свою аудиторию, то я сократил ее до горстки людей и продолжал менять мир не словами, а делом...

Остается добавить лишь, что прошло еще десять лет, что мир остался тем же, а я, собираясь несколько дней назад в большое путешествие, получил от друзей неожиданный подарок – сборник статей Рэя Брэдбери под общим названием «Дзен в искусстве написания книг». Я сижу сейчас под старыми каштанами в то время, как надо мной сгущаются тучи. Из книги Брэдбери я понял, что те десять лет жизни, которые я посвятил изменению мира, юный Брэдбери посвятил написанию (в основном посредственных) рассказов и толь-

ко спустя десять лет действительно научился писать. Десять лет, которые я занимался чем-то другим...

Начинается дождь, каштаны качаются, я смотрю на мир, который я не смог изменить и который ничуть от этого не стал хуже, и думаю, даст ли мне жизнь еще один шанс? Хватит ли у меня решимости? И нужны ли еще кому-нибудь печатные машинки?

Пилигрим

Наша любовь разорвет этот мир пополам...

Рома ВПР.

Пополам

Солнце садится за деревья и крыши домов, окрашивая облака расходящимися полупрозрачными лучами, на фоне которых выделяется черный шпиль старинной церкви. Когда-то викинги построили здесь множество церквей. Во времена Ганзы, крупного политического и экономического союза торговых городов Северо-Западной Европы, они торговали со всей существующей на тот момент ойкуменой, и новгородские купцы приплывали сюда, вливаясь в разноголовый поток портовой жизни. Местные жители были настолько богаты, что приглашали знаменитых итальянских архитекторов, чтобы построить самую красивую церковь именно в своем селе. Здесь до сих пор вспоминают какого-то русского художника, расписавшего несколько церквей...

Я сижу на ступенях низкой бетонной лестницы у открытой двери, из которой просачиваются звуки русского регги: песни Ромы со словами, понятными только мне. Поток моих размышлений и созерцание заката прерывает Хуанма. Он возникает из двери, низкий, смуглый и кряжистый, как чело-

век эпохи палеолита, и говорит: «All is ready»¹, подмигивая и улыбаясь. Хуанма весь вечер колдовал над вчерашней картошкой, превращая ее в «тортилью». Нехорошо заставлять его ждать и позволить тортилье остыть, так что я послушно убираю Керуака и ноутбук и поднимаюсь по лестнице. Воздух уже прохладный (по ночам здесь холодно даже в ясные летние дни), но бетонные ступени сохранили солнечное тепло и охотно делятся им с моими босыми ногами.

В конце концов только в лесу приходит эта ностальгия по «большим городам», вроде Парижа, с их мягкими вечерами, мечты о долгих серых путешествиях от мегаполиса к мегаполису, и благодаря первобытной невинности лесного здоровья и покоя забываешь, как все они утомительны... Но я говорю себе: «Будь мудр».

Джек Керуак.

Биг-Сур

Тортилья определенно удалась. Когда я увидел ее посреди стола среди белоснежных тарелок, над которыми дожидались ужина (и меня) «пилигримы», я пожалел, что над накрытым столом не возвышается бутылка красного вина. Сегодня во время нашего длинного пути я пересказывал Хуанме свою работу о радикальной критике цивилизации, а теперь мне показалось, что цивилизация не так уж и плоха. После нескольких дней, когда скатертью была зеленая трава или песчаный пляж, после недели холодных летних но-

¹ Все готово (англ.).

чей в палатке – двухэтажный домик с белоснежной посудой и центральным отоплением, возникший на нашем пути неизвестно откуда у края очередной деревни, так умиротворяет... Эти пять человек, собравшиеся вокруг стола, когда я впервые их увидел вчера, показались мне странными. Они и сейчас кажутся мне не от мира сего и чужими, но этот квадратный стол, стулья, посуда и тортилья из вчерашней картошки и яиц неожиданно делают этих людей моими братьями и сестрами. Ужин – это таинство, тайная вечеря, и, кажется, благодатью наполнено все вокруг. Я сажусь за стол с прямой спиной и складываю руки вместе, на секунду прикрывая глаза. Жаль, что среди нас нет ни одного религиозного человека и никто не прочитает молитву – сейчас это было бы так уместно...

Мария словно прочитала мои мысли о вине, сообщила, что у нее болят мышцы ног, и попросила у Йенса немного виски (сегодня он рассказал, что у него в рюкзаке имеется совсем немного «for the long rainy day»²). Чуть позже и я сообщил, что сейчас принесу ягер³, бутылочку которого купил еще в Duty free на случай долгого дождливого дня, и у меня есть два повода ее открыть: во-первых, я – русский; во-вторых, сегодня я начал писать.

Я разлил ягер на четыре стакана и удивился, что его так мало (бутылочка стоимостью в 2 евро была пуста, напиток

² Для долгого дождливого дня (*англ.*).

³ Jägermeister (*нем.*) – алкогольный ликер.

едва прикрывал доньшко каждого из стаканов). Еще немного, и мы объявили, наконец, долгий дождливый день и разлили виски. Этого все равно недостаточно, чтобы даже едва захмелеть, но сегодняшний вечер, безветренный закат, шпиль древней церкви и квадратный стол с белоснежной посудой определенно требуют жертвоприношения, ритуала, причастия. Я рад, что все происходит именно так. И что эти люди, странные, чужие люди, половину слов которых я не понимаю, внезапно становятся мне братьями и сестрами, напоминая о том, что у нас когда-то были общие прародители.

Все, что я пишу, складывается в одну большую сагу вроде прустовской, с тем отличием, что мои воспоминания зафиксированы на бегу, а не много лет спустя большим в постели.

Джек Керуак.

Сур

Я прибыл на остров вчера. На пароме я встретил Марию, чуть полноватую шведку с огромными глазами в больших очках, симпатичную, но странную. Она поразила меня своей откровенностью и прямолинейностью. После пяти минут знакомства я уже знал, что она полнеет по причине потребления антидепрессантов, но это, по ее наблюдениям, не единственный «side effect»⁴. Судя по витринам аптек, в России такие препараты тоже пользуются спросом, но я не встречал никого, кто говорил бы такие вещи в лоб при первом знаком-

⁴ Побочный эффект (англ.).

стве. Роберт спросил, взяла ли Мария эти таблетки с собой, и та утвердительно кивнула, после чего сказала, что такие таблетки прописал ей доктор, поставив какой-то диагноз. Помолчав минуту, она добавила, что недавно смотрела документальный фильм, разоблачающий шведских врачей: они связаны с фармацевтическими компаниями и ставят людям ложные диагнозы (а иногда придумывают новые для увеличения продаж), прописывая дорогие таблетки. От таблеток люди полнеют, становятся спокойными и добропорядочными. И немного странными.

Пластиковые окна парома искажали удаляющиеся от нас портовые постройки. Мы удалялись от берега, стабильный интернет становился все слабее. Сидя за пустым столом ресторана, подключившись к розеткам, мы с Робертом стучали по клавишам, пока сигнал не пропал вовсе. За окном сияло солнце, отраженное в тысячах маленьких волн. Роберт спросил (воспользовавшись тем, что Мария вышла), заметил ли я, что она как будто пропускала части беседы, как будто не понимала часть того, что мы говорим.

– Может быть, плохой английский? – предположил он.

– Нет, я думаю, это тоже «side effect», – заключил я, хотя не мог бы привести ни одного довода в пользу этого заключения. – Скажи, правда ли, что по Швеции недавно прокатилась суицидная волна среди молодежи?

– Я бы не сказал, что была какая-то «волна», – Роберт

оторвал взгляд от макбука и посмотрел на меня, – но самоубийств действительно много.

– А правда ли то, что она рассказала: если человек на улице Швеции начинает кричать на кого-то, его считают сумасшедшим или сдают в дурку?

– Ну... – начал Роберт, поколебавшись, – сложно сказать, не зная, о какой именно ситуации она вела речь. Но, в общем, да, шведы любят спокойствие и любыми способами избегают конфликтов. В Италии люди на улице могут орать друг на друга часами. В Швеции это считается ненормальным, все должны вести себя прилично.

Вот это настоящее безумие. Неудивительно, что они плохо заканчивают или полнеют. И становятся немного странными.

На палубе было солнечно и ветрено. Мое тело не могло понять, жарко ли из-за солнца или холодно из-за ветра. Молодежь разлеглась на палубе, положив головы друг на друга. Я рассказывал Марии, что курю только в компании курящих людей: «I am a social smoker»⁵. Это хороший повод для того, чтобы «стрелять» у людей сигареты. Дома я это делаю без зазрения совести, но здесь я чувствую, что это ненормально, так что приходится искать поводы. Впрочем, без лишнего хвастовства могу сказать, что в этом я настоящий мастер.

– Думаю, что это правда, насчет таблеток и докторов. То

⁵ Я социальный курильщик (англ.).

есть я не знаю, как это в Швеции, но так, похоже, везде... – вернулся я к прошлой теме – И, главное, что эти таблетки не помогают. Депрессия возникает не из-за отсутствия таблеток, а из-за неправильных условий и установок в жизни. Тело напоминает о том, кто ты, и что пора что-то менять.

– Да, точно, – соглашается Мария, затягиваясь. – Нужно менять условия жизни.

– И, знаешь, мне кажется, – продолжил я, – что в походе тебе не нужны таблетки. Можешь их выбросить.

– Да, думаешь, я могу их выбросить? – Ей явно нравилась эта идея, и она, похоже, сама об этом думала, но все-таки не решалась...

Сойдя с парома, Мария села в грузовик Роберта, заняв мое место, а для меня с того же грузовика сняли велосипед. Но его кодовый замок не поддавался, и Роберт долго не мог понять, в чем дело, а потом ругался по телефону: «Когда живешь в сообществе, ни в коем случае нельзя менять кодовые замки на велосипедах. Когда один велосипед используют 20 человек, это вызывает много проблем».

Я рад, что Мария решила поехать в машине. Она спрашивала меня, «не будет ли мне одиноко на велосипеде», а я не знал, как помочь ей расслабиться и объяснить, что с велосипедом я буду счастлив в любом случае... и что одному мне все-таки спокойней. Я доверяю людям, но ехать на велосипедах впервые по незнакомому острову, не зная точной дороги,

со шведкой на антидепрессантах – это слишком. На подъеме грузовик Роберта проносится мимо, сигналив, и Роберт машет рукой. Я снова один. Один я спокоен, уверен и окрылен. Велосипед несется, как птица. Бетонные велодорожки удивительно хороши. Спуск, подъем, тоннель, поворот. Береговая линия – отличный ориентир, потеряться невозможно. Но как найти их экосообщество? Здесь каждый двор выглядит как экопоселение...

«Suderbys». Это похоже. Поворачиваю, вижу шведские флаги, стриженный газон, особнячки в классическом стиле и ровный асфальт. Никого нет. Это гольф-клуб? Разворачиваюсь и еду дальше. Вскоре вижу геокупол. Ветряк. Название поселения, составленное на стене дома из сухих древесных корней. Сюдербин. Я на месте.

Сюдербин выделяется среди старомодных готландских деревенок, как поселение пришельцев, прилетевших на другую планету вместе со своими зелеными технологиями. И в каком-то смысле так оно и есть. Первым пришельцем был Роберт, неутомимый путешественник, американец, которого я встретил сначала в России, потом в Германии и вот впервые оказался у него дома, в экопоселении на острове, окруженном Балтийским морем. Как его занесло сюда?

Это долгая история, всех подробностей которой я не знаю, но началась она с того, что подростком Роберт покинул Соединенные Штаты, чтобы увидеть свет. В Швеции он учился,

встретил свою жену Ингрид, вместе они путешествовали и работали то в Индии и Шри-Ланке, то в Южной Америке, то в Испании и Португалии, Албании и Украине. Многие годы Роберт работал с ООН, со шведскими министерствами, организациями гуманитарной помощи и пытался сделать мир более мирным и устойчивым местом, пока не осознал, что система от его усилий не меняется и что люди говорят правильные вещи, а на деле играют по старым правилам, которые очень сложно изменить изнутри. Тогда Роберт решил, что для создания чего-то действительно экологичного, для жизни, не основанной на насилии, нужно построить эту жизнь заново, на других основаниях, и потом показать миру. Для создания такого прототипа другой, более устойчивой и менее насильственной жизни нужно было найти место, и Роберт и Ингрид остановили свой выбор на острове Готланд, где когда-то родились их сыновья. Так появился Сюдербин, расположенный в одноименной местности прямо напротив старой военной базы.

Следующие 10 лет сюда приходили люди в поисках практического ответа на вопрос о том, как мир или, по крайней мере, собственная жизнь, могут быть устроены иначе. Как именно иначе? Сложно сказать, так как у Сюдербина изначально не было общего духовного или идеологического центра, не было готовых ответов. Скорее Сюдербин стал лабораторией для экспериментов, площадкой, где можно попробовать различные ответы в реальности. Конечно, с течени-

ем времени в поселении сформировалась некоторая общая культура, но она эволюционировала и менялась вместе с составом живущих здесь сюдербинцев, насчитывающих в разные годы от нескольких поселенцев до нескольких десятков человек. Сейчас здесь очень мало людей, рожденных на острове или вообще в Швеции, зато целый котел из людей, языков, культур и цветов кожи со всего мира.

Входя во двор поселения, здороваюсь с русскими и украинцами по-русски, а с французами и шведами по-английски. Эрик, сюдербинец, который собирается везти нас с Марией дальше, куда-то запропастился. Одни говорят, что он возитесь в теплице с помидорами, другие говорят, что он застрял в туалете, а третьи – что он ужинает (хотя мы вроде как собирались поужинать вместе с пилигримами, когда доедем до них). Мария в очередной раз называет поселение экофермой и немного не догоняет суть дальнейшего плана действий. Я тоже не догоняю, но советую следовать привычной стратегии путешественника, состоящей из трех пунктов: «Don't worry. Don't be in a hurry. Just wait»⁶.

Ты не можешь улучшить мир, просто разговаривая с ним. Чтобы философия была действенной, она должна иметь возможность быть механически примененной.

Ричард Бакминстер Фуллер

Пока Эрик заканчивает свои дела, чем бы он там ни зани-

⁶ Не беспокойся. Не торопись. Просто жди (англ.).

мался, заносу лишние шмотки в комнату Алисы и отправляюсь на разведку. За теплицей – большой фуллеровский купол, входом в который служит что-то типа тамбура, внутри которого – бетонный пруд, собирающий дождевую воду, падающую на купол. Пройдя по деревянному мостику, попадаю внутрь геокупола и чувствую, как бетонный пол отдаст накопленное за день тепло. Должно быть, пол будет отдавать тепло солнечных лучей всю ночь, как большая русская печка. По периметру купола зеленеют растения, тут и там виднеются учебные таблички со схемами смешанной посадки овощей (наверное, здесь проходят экскурсии или занятия по пермакультуре), а в центре странного вида агрегат с кучей отходящих от него труб. Это «Biogas digester», догадываюсь я, чудо-штука, которая из органических отходов делает биогаз, который сюдербинцы используют для готовки и отопления домов, а получаемый в результате концентрированный раствор удобрений снова возвращают в огород. Это замкнутый цикл, один из практикуемых в Сюдербине наряду с компостными туалетами и круговоротом воды в поселении. Оба местных автомобиля тоже ездят на биогазе, но на биогазе с заправки, а не собственного производства (собственный биогаз для машины не годится, его для этого нужно еще очистить). На этих двух общих машинах ездят по очереди и не слишком часто: каждый житель Сюдербина, беря машину, должен заплатить сообществу за ее использование. Все это я узнал за первые полчаса пребывания. Предварительная

разведка на этом окончена, диагноз ясен.

– It looks like a crazy ecotechnology lab⁷, – говорю я Эрику, вышедшему мне навстречу.

– Well, it is. Actually, it is a perfect description⁸.

Выглядит как безумная лаборатория экотехнологий.

Эрик высокий и нескладный как будто немного вытянутый (мне почему-то думается, что с рождения) и с очень большими руками. Он – главный местный специалист по помидорам. И сразу видно, что человек добрый. Такой не откажется помочь и нуждается в человеческом тепле. Он немного жалеет, что пообещал нас подвезти, но слишком добр, чтобы передумать. Мы принимаемся поливать его помидоры дождевой водой, собранной в металлические контейнеры, после чего Эрик идет собираться, а мы с Сережей, Марией и французом, имя которого я пока не запомнил, стоим и треплемся во дворе. Мария с французом говорят по-французски, а Сережа, перевоспитанный Швецией, пытается говорить со мной по-английски, чтобы другие тоже могли нас понимать. Я все еще не воспитан и говорю: «They will talk French. We will speak Russian»⁹. Сергей явно рад меня видеть, хотя мы почти не знакомы. Мне так кажется. Вдали от дома люди, приехавшие из близких мест, становятся как бы родными. Мне так кажется...

⁷ Выглядит как безумная лаборатория экотехнологий.

⁸ – Ну, это она и есть. На самом деле, это идеальное описание (*англ.*).

⁹ Они будут говорить по-французски. Мы будем говорить по-русски (*англ.*).

Машина на биогазе едет как самая обычная машина, за окном морской закат и на его фоне – лопасти ветрогенераторов. Я пытаюсь спать, Эрик рассказывает про помидоры, Мария с французом болтают. Каждые пять минут она в своей настойчивой манере, как бы не догоняя, предлагает воспользоваться своим планшетом с Google maps. Эрик и француз отказываются, навигируя по старой порванной карте.

Сворачиваем с прибрежной дороги и едем с запада на восток. Западное побережье Готланда – туристическая зона, восточная – захолустье. Ни у меня, ни у Марии почти нет денег, и это к лучшему. Час пути, полчаса плутаний, и мы на месте – в знаменательном местечке Ставгард. Еще одно доказательство богатства древних викингов. Лет сорок назад здесь был детский лагерь, на распаханном поле мальчик засунул руку в кроличью нору и вытащил оттуда серебряную монету. Потом достал еще. И еще. Учителя не поверили ему. Потом один все же решил проверить, и очень удивился. Фермер пахал здесь трактором, но не нашел этих сокровищ. А мальчик нашел. Засунув руку в кроличью нору, как в «Алисе в Стране чудес», он нашел монеты разных древних народов, из разных древних государств, городов, близких и далеких, таких как Самарканд. Из-за таких историй на Готланд запрещено привозить металлоискатели, но все равно все перекопано, и многие кладоискатели предпочитают нарушить закон, но не делиться с государством. Но учителя

– люди честные, и найденные сокровища вскоре были сданы государству, а часть от их стоимости пошла на строительство небольшой деревеньки в стиле железного века – для детских лагерей и туристов. В большом доме, имитирующем жилища древности, общая спальня, посреди комнаты вместо печки – костер на камнях, дом утоплен в землю, и на крыше растет трава...

Когда мы приехали, было уже темно и прохладно. Несколько человек стояли вокруг костра, обложенного камнями, и ели мясо овцы, приобретенной у соседнего фермера и приготовленной на костре, запивая холодной водой из глиняных кружек. Совершенно в духе железного века. Дополнял картину полураздетый Хуанма, испанский художник, неизвестно каким ветром занесенный на север, со странной дикцией и плохим английским (сперва показалось, что он сумасшедший или глуповатый, но это только внешность и дикция). Невысокий, кряжистый, всклокоченный и с живыми глазами, он поприветствовал нас и пригласил к трапезе, поблагодарив Эрика за то, что тот привез «новых пилигримов». «Пилигримы»... кажется, я встречал это слово только в книгах. И вот неожиданно я осознал, что буду идти пешком много дней рядом с этими непонятными мне шведами, немцами и датчанами под руководством сумасшедшего испанца, сошедшего со страниц первых глав учебника истории для 5-го класса про Древний мир, и что я теперь – пилигрим.

Хуанма полураздет, как и полагается человеку раннего неолита. Чашка оставляет на столе кофейные круги. Две мухи летают по кухне, но мы уже все доели и прибрались, ловить им особо нечего. Остались только кофе и иван-чай с ромашкой. Сегодня мы собирали травы для чая по дороге, и Хуанма спросил, не биолог ли я. Удивительно, что здесь нужно быть биологом, чтобы делать травяной чай. Впрочем, это не самое странное...

Ансбака I

Мое путешествие по Швеции началось с аэропорта Арланда, где я с двух часов ночи ждал автобус, а потом обнаружил, что наличными здесь нельзя заплатить даже за этот самый автобус – все здесь перешли на безналичный расчет. В итоге меня выручила женщина из Армении, которая заплатила за меня карточкой, а я отдал ей 10 евро монетками...

В Стокгольме проводил до метро армянку и еще какого-то парня из местных, у которого есть сигареты, но нет зажигалки. Парень давно не был дома, долгое время он мотался по Таиланду и прочей Азии. Проводив их до метро, жду открытия касс и, припоминая, что туалеты здесь, на вокзале, платные, иду прогуляться по городу. Летом на севере в пять утра солнце сияет вовсю, и я кружу среди сияющих старинных шпилей и современной постмодернистской архитектуры. Все двери в Стокгольме открываются сами собой, когда к ним подходишь. На вокзале полно бездомных, у ступеней закрытого магазина спят смуглые, завернувшиеся в одеяло люди, похожие на беженцев. Но утро прекрасно: прохладный воздух, ярчайшее солнце освещает странную башню из полупрозрачных кубов, заливают улицы между строениями из стекла и металла, отражаясь и играя в них, как в калейдоскопе. Закрытые кофейни, ресторанчики, книжные магазины... Одна из улиц украшена странного вида медузами, как

будто парящими в воздухе, а эскалатор на вокзале едет мимо шаров-атомов, соединенных в структуры-молекулы, меняющие свой цвет по ходу движения. В центре в такую рань только нетрезвая молодежь, выходящая с затянувшихся вечеринок, африканцы с дредами, что-то обсуждающие и поглядывающие в разные стороны, и группы полицейских в ярких салатовых жилетках. Хотел было подойти к растаманам, спросить о чем-нибудь, но засомневался: незнакомый город, незнакомая культура, мало ли что им взбредет в голову... Однако мой удивленный и вопросительный взгляд, огромный рюкзак и сандалии не остаются без внимания: один из африканцев окликает меня и спрашивает, все ли у меня в порядке. «Yes», – говорю я и машу ему рукой. Иду каменными лестницами и переулочками, желая выйти на набережную.

С открытием касс ситуация не становится проще. Мало того что автоматы принимают только безнал, но и единственная купюра в 500 шведских крон, которая у меня с собой, оказывается недействительной, в этом году шведы заменили все свои деньги и месяц назад перестали принимать купюры старого образца. В выходной день банки открываются поздно, и я брожу туда-сюда еще два часа, не зная, что делать. Но, как известно, язык до Киева доведет, и мне помогает один из работников вокзала, который по своей карте покупает мне билеты на автобус, а я возвращаю ему их стоимость в евро. В автобусе сплю, читаю, пишу, и в городе с названием из «Иг-

ры престолов» – Вестерос – у меня пересадка. До отправления второго автобуса час, и я прогуливаюсь по местному газону с разбросанными по нему большими старыми деревьями (у каждого дерева – табличка, что-то о нем сообщающая по-шведски). Прохожу мимо старой городской башни и более современного вида колокольни (понимаю, что это колокольня, только когда она начинает звонить). Замечаю в кроне одного из больших деревьев аккуратный домик, где-то три на два метра, с дощатым полом, стенами, окнами и крышей... Все как положено, только на высоте 15 метров и без всякой лестницы – как же туда добраться по такому гладкому стволу?

Спускаюсь к реке, доедаю остатки аэрофлотовского завтрака, делаю пару фотографий камней и дерева с темно-фиолетовой листвой.

В Карлстаде, куда меня привозит второй автобус, та же ситуация, евро не принимают, старые кроны не принимают, карточки у меня нет. Иду в банк, но там такая очередь, что на третий и последний автобус я уже не успею. Так и не воспользовавшись услугами банка, иду по этому небольшому городу обратно на вокзал и встречаю там характерного вида экопоселенцев из Финляндии. Сату, высокая финка с широкой улыбкой и длинными светлыми волосами, убранными в хвост, покупает мне билет, а я в очередной раз расплачиваюсь с помощью евро... И вот мы в автобусе, рядом со мной садится шведка средних лет в очках и с сумочкой в цветочек.

Внезапно она замечает, что я читаю Брэдбери на русском, и оказывается, что она вовсе не шведка, хотя переехала сюда уже довольно давно. Узнав, куда я еду, женщина меняется в лице, прищуривается и с очень странным выражением говорит: «Знаю я это место... знаю я ваши конференции... по телевизору показывали». Тут и я вспоминаю, что получал когда-то рассылку из европейских экопоселений, приглашавшую на семинары по тантре, интимной близости, полиамории и чего-то типа свободной любви. Вероятно, что-то такое и «показывали по телевизору», и убедить женщину, что я еду вовсе не за этим, так и не получается. На прощание она говорит мне многозначительно: «Желаю хорошо провести время!»

Вместе с финнами проходим километр от автобусной остановки, и я вижу на парковке небритых «секьюрити» конференции с длинными волосами и розовыми сердечками на светло-салатовых жилетках (такие же жилетки были на полицейских в Стокгольме). «Вы на семинар по тантре?» – подшучивают они, желая убедить нас, что никакой экоконференции здесь нет. Смотрю на этих бравых ребят с сердечками и понимаю, что могло смутить женщину в автобусе...

Входя на территорию Ансбаки, экопоселения и ретрит-центра, не желая сразу погружаться в суматоху конференции, я сажусь на лужайке под старыми каштанами, медитируя и здороваясь с редкими знакомыми лицами, проходя-

щими мимо. Под влиянием книжки Брэдбери начинаю писать, еще не зная, что из всего этого выйдет, медитирую на солнышке, наслаждаюсь мгновением покоя и неизвестности, наблюдая, как медленно начинают сгущаться тучи...

Нужно решить вопрос с регистрацией на конференцию, и я в третий раз захожу в синий одноэтажный домик с надписями на разных языках, чтобы найти там некую Катерину, с которой я переписывался перед отправлением. По идее я пользуюсь правом делегата не платить за участие в конференции, но должен заплатить за питание и проживание (в своей собственной палатке) столько, сколько я зарабатываю за месяц. Еще в Москве я еженедельно бомбардировал организаторов письмами с разными предложениями типа: записаться волонтером; привезти с собой килограмма два гречки или отказаться от питания, заплатить тысячу крон вместо двух с половиной... Они, похоже, не знали, что со мной делать, так как ни на одно предложение не ответили. А решилось все довольно неожиданно, появилась какая-то женщина, которая дала денег для конференции, просто на случай, если кому-то они понадобятся. Я даже не знаю, как ее зовут, но ее деньги идут на оплату моего питания, и я получаю браслет, дающий право на следующие 5 дней забыть о деньгах и жить, ни в чем себе не отказывая, в игрушечном мире хиппи и экопоселенцев, дружелюбных и доброжелательных вегетарианцев, строящих альтернативную реаль-

ность и занимающихся саморазвитием. Добро пожаловать на ежегодную конференцию экопоселений Европы...

Война

Здесь нет войны, если только вы не принесли ее с собой.

«Звездные войны»

В тот вечер, когда мы примкнули к пилигримам в Ставгарде, перед тем, как Эрик вернулся в свою эколабораторию полить помидоры, я спросил у него, как он понимает смысл похода, к которому мы с Марией присоединились.

– Смысл в том, чтобы взаимодействовать с местными жителями непринужденно, по-человечески, а не как туристы... – ответил Эрик, – и в том, чтобы Готланд стал местом встречи людей разных национальностей, местом мира, а не войны.

Готланд знаменит, среди прочего, расположенными на острове военными базами. Через дорогу от теплицы с помидорами Эрика разворачивается массивная подготовка к «Аворе 17» – шведским военным учениям с участием НАТО и предполагаемым врагом в лице России. На пароме Роберт сказал мне, что русские и белорусы тоже проводят учения под названием «Запад» и что русские и китайцы собираются проводить совместные военные учения в Балтийском море, где до этого китайские военные корабли, возможно, и не появлялись...

Я попросил Эрика захватить мою палатку в Сюдербин и положить ее в комнату Алисы. Хуанма сказал, что мы будем ночевать каждый раз на новом месте и что ни у кого нет с собой палатки. Конечно, в долгий путь лучше идти налегке, поэтому и свою палатку я брать не стал...

– Компьютер? – удивился Хуанма. – Ты уверен, что хочешь взять его с собой? Я пытаюсь избавиться от всего лишнего.

В ответ я сказал ему, что я вроде как писатель (еще не зная, что действительно буду писать) и что это необходимая для меня вещь...

Снова солнечно. Нежаркий летний день с легким ветерком – идеальная погода для пеших прогулок. На стене милого двухэтажного домика, где мы вчера вечером ели тортилью – значок Евросоюза и надпись, сообщающая, как мне сказали, что каждый, кто пользуется услугами этого заведения, поддерживает местное сообщество. Но, насколько я знаю, мы никого не поддерживаем, потому что ничего не платим... Хуанма – мастер дешевых путешествий, и это очень кстати.

Всю ночь меня беспокоили мухи. Я вспоминал книжку про путешествие белой девушки к австралийским аборигенам, про испытание мухами, которое она прошла, и после чего стала чиста и избавилась от запаха цивилизации. Я пахну несколькими днями пути, и эти мухи, похоже, тоже решили меня «почистить». Честное слово, я бы предпочел, чтобы

здесь был душ, а не эти маленькие лапки, не дающие спать. В отличие от комаров мухи проворны как... даже не могу подобрать сравнение. Убить муху во сне невероятно сложно, и я не знаю никого проворнее этих маленьких тварей. Впрочем, несмотря на ночную писанину с растворимым кофе и назло мухам, я просыпаюсь вовремя и даже чувствую себя выспавшимся. Хуанма тоже держится бодро, хотя полночи не спал: ноги горели из-за крапивы (вчера, когда мы оказались в ловушке полей, покрытых поросшими крапивой рвами, испанец отважно прокладывал путь, используя свою палку как мачете, в то время как крапива коварно жгла его ноги ниже колен).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.